

Примечания

¹ Кимура Т. Находясь в плену ориентализма... (Образы восточных людей в поэме А. С. Пушкина «Кавказский пленник») // *Japanese Slavic and East European Studies*. Vol. 20. С. 140.

² См.: *Shaw J. Th. Pushkin on America and His Principal Sources «Yohn Tanper»* // *Shaw J. Th. Pushkin: Port and Man of Letters and His Prose*. Los Angeles, 1995.

³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 4-е изд. Л., 1979 Т. 4. С. 102. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страниц.

⁴ Об этом замысле Пушкина см.: *Эйдельман Н. Пушкин: История и современность в художественном сознании поэта*. М., 1984 (гл. IX «Камчатские дела»).

Тэрухиро Сасаки
(Сайтама, Япония)

ФИЛОСОФИЯ ДЕНЕГ В ТВОРЧЕСТВЕ А. С. ПУШКИНА

La morale doit être placée au-dessus du calcul. La morale est la nature des choses dans l'ordre intellectuel...

Necker

В художественной литературе весьма важную роль играет представление о деньгах. Не являясь исключением и русская литература. Вспомним, например, Н. В. Гоголя. В его произведениях деньги изображаются чаще всего в негативном плане. Умные и талантливые люди портят свою жизнь из-за жадности к деньгам (сребролюбия). Мы видим такой тип героя в «Портрете».

«Как вспомнил он всю странную его историю, как вспомнил, что некоторым образом он, этот странный портрет, был причиной его превращения, что денежный клад, полученный им таким чудесным образом, родил в нем все суетные побуждения, погубившие его талант, — почти бешенство готово было ворваться к нему в душу»¹.

Гоголь склонен был считать деньги грязной и безнравственной материей. В русской литературе такой взгляд весьма популярен. Но в пушкинском представлении о деньгах мы видим несколько иную оценку сребролюбия².

Этика сребролюбия

В творчестве Пушкина сребролюбие ассоциируется со «скупостью». Скупой рыцарь мечтает быть сторожем накопленного золота даже после смерти.

Я царствую!.. Какой волшебный блеск!
Послушна мне, сильна моя держава!
В ней счастье, в ней честь моя и слава!

(VII, 112)

Однако столь дорогое ему золото он не сможет унести с собой в загробную жизнь. Он от души жалеет, что придется передать имущество сыну.

Я царствую... но кто вослед за мной
Приимет власть над нею? Мой наследник!

(VII, 112)

Скупой рыцарь думает, что благодаря деньгам он царствует над всем, а с точки зрения сына, наоборот, отец является рабом золота.

Ж и д.

Деньги? — деньги
Всегда, во всякий возраст нам пригодны
Но юноша в них ищет слуг проворных
И не жалея шлет туда, сюда.
Старик же видит в них друзей надежных
И бережет их как зеницу ока.

А л ь б е р.

О! мой отец не слуг и не друзей
В них видит, а господ; и сам им служит
И как же служит? как алжирский раб.

(VII, 105—106)

Кто же он в отношении к деньгам — раб или хозяин? На эту оценку влияет принцип жизни. С точки зрения Альбера, отец — раб. А рыцарь считает себя всемогущим хозяином благодаря накопленному золоту. Если он и раб, то раб лишь своего божества — золота. Обращаясь золоту, Барон говорит:

Усните здесь сном силы и покоя,
Как боги спят в глубоких небесах...
Хочу себе сегодня пир устроить:
Зажгу свечу пред каждым сундуком...

(VII, 112)

Во всяком случае, он приобретает своих *богов* и свое *кредо* благодаря накопительству. М. Ю. Лотман справедливо считает, что скупой рыцарь «стремится не к реальному обладанию, а к сознанию *возможности обладания*». По Лотману, «золото для него превращено в принцип: он не средство, а цель и воспринимается эстетически»³. Однако можно задать вопрос: нужно ли называть такого человека безнравственным? Благодаря скупости он имеет твердый принцип существования по сравнению с Альбером. С субъективной точки зрения Барона именно накопительство денег дает человеку мораль и волю для контроля над страстью.

Кто знает, сколько горьких воздержаний,
Обузданных страстей, тяжелых дум,

Дневных забот, ночей бессонных мне
Все это стоило? <...>

(VII, 113)

Это своего рода денежная этика. Стремление к деньгам может воспитывать воздержание. Подобная мысль о роли денег в воспитании характера развивается и в других произведениях. Например, в «Сценах из рыцарских времен».

«...слава Богу, нажил я себе и дом, и деньги, и честное имя, — а чем? бережливостию, терпением, трудолюбием. Вот уж мне и за пятьдесят, и пора бы уж отдохнуть да тебе передать и счетные книги и весь дом. А могу ли о том и подумать? Какую могу иметь к тебе доверенность? Тебе бы только гулять с господами, которые нас презирают да забирают в долг товары» (VII, 215).

Следовательно, стремление к накоплению денег воспитывает нравственность, «волю», освобождает от страстей и от лени. Как известно, Герман в «Пиковой даме» тоже придерживался принципа самообладания до поры до времени: «...расчет, умеренность и трудолюбие — вот мои три верные карты, вот что утроит, усмерит мой капитал и доставит мне покой и независимость!» (VIII (1), 235).

Однако большинство русских литературоведов считают Барона — скупого рыцаря аморальным. Даже Ю. М. Лотман, более снисходительный к образу Барона, пишет по этому поводу следующее: «Корень преступления не в том, что принцип Барона плох, а принцип Альбера все же несколько лучше, а в том, что ни отец, ни сын не могут встать каждый выше своего принципа. Они растворены в них и утратили свободу этического выбора. А без этого нет нравственности. Отсутствие свободы безнравственно и закономерно рождает преступление»⁴.

Мы не можем согласиться с такой суровой оценкой накопительства Барона. Скупой рыцарь в юридическом отношении никакого преступления не совершил. У него были даже определенные моральные принципы в отношении к золоту. Он никому не делал зла, копя золото, а, напротив, вел весьма ригористическую жизнь для достижения цели, то есть во имя накопления золота. Деньги требуют силы характера. Следование денежной морали является важнейшим долгом для честного гражданина. Правда, что «la morale doit être placée au-deesus du calcul», но без отдачи денежного долга не состоится даже самая обыкновенная мораль.

Предел денежной этики

Сребролюбие становится тяжким бременем, когда Барон думает о посмертной судьбе своего имущества. Он не может унести с собой золото в могилу. Боязнь скупого рыцаря проистекает именно из этого:

Украл ключи у трупа моего,
Он сундуки со смехом отопрет,
И потекут сокровища мои
В атласные диравые карманы.

(VII, 112—113)

Именно в своем опасении и недоверии он превращается из царствующего хозяина в простого сторожа. Это преобразование благородного рыцаря в «ключ».

О, если б мог от взоров недостойных
Я скрыть подвал! о, если б из могилы
Придти я мог, сторожевою тенью
Сидеть на сундуке и от живых
Сокровища мои хранить, как ныне!...

(VII, 113)

В произведениях Пушкина стремление к сохранению имущества доходит до удивительно тривиальной цели. Но такая «пошлая» мечта рождается при мысли о смерти, то есть о посмертной жизни. В пределах этого света накопительство может быть жизненным путеводителем для скупого рыцаря, чтобы избежать от грехов расточительства. Перед самой смертью обнаруживается тщетность такого принципа. Кончается эта драма следующим символическим восклицанием:

Где ключи?
Ключи, ключи мои!..

(VII, 120)

Последнее слово скупого рыцаря — «ключи мои!». Его достоинство личности лишь ограничивается «ключами». Кстати, скупой герой в рассказе Диккенса «Рождественская песнь в прозе» тоже носит всегда ключи. Но нам надо думать о морали. Хотя Барон духом беден и тривиален, мог ли он причинить зло кому-нибудь своей скупостью? Он никому зла не делал. Только в отношении к себе, низведении себя до уровня «ключей» виноват Барон. Другим же он оставил не долги, а большие деньги после смерти.

Роль ключей и роль денег

Золото и ключ к сейфу представляют собой средство входа в другую сферу. И с помощью денег и ключей человек выходит к иному, запредельному миру. Сами деньги являются ключом для свободного выхода и входа. И Ф. М. Достоевский пишет следующее в «Записках из мертвого дома»: «Деньги есть чеканенная свобода, а потому для человека, лишенного совершенно свободы, они дороже вдесятеро. Если они только брякают у него в кармане, он уже вполовину утешен, хотя бы и не мог их тратить. Но деньги всегда и везде можно тратить, тем более что запрещенный плод вдвое слаще»⁵.

Деньги являются не самоцелью, а надежнейшим средством для достижения свободы. Кто не может отдать денежный долг, того уже не считают свободным гражданином. И сам А. С. Пушкин часто мучился из-за огромнейших долгов. Деньги вдесятеро дороже «для человека, лишённого совершенно свободы», по словам Достоевского. И Пушкин понимает чудесную силу денег как средства свободного и легкого передвижения в пространстве и во времени. Деньгами открывается один мир и закрывается другой.

Эффект денежной темы в концовке

В манере Пушкина при описании функции денег мы видим оригинальность способа сценария. «Ключи»-деньги иногда употребляются и при завершении рассказа. В концовке «Станционного смотрителя» мы находим упоминание о деньгах: «„А там барыня пошла в село и призвала попа, дала ему денег и поехала, а мне дала пятак серебром — славная барыня!“».

И я дал мальчишке пятак и не жалел уже ни о поездке, ни о семи рублях, мною истраченных» (VIII (1), 106).

Почему Пушкин заключает этот маленький рассказ упоминанием о деньгах? Несребролюбивым читателям должна казаться странной такая концовка, производящая впечатление, будто автор умышленно отвлекает внимание от главного содержания рассказа. Вставляя в конце повествования деньги, автор создает эффект отстранения от сюжета. И в то же время деньги играют роль «ключа» для завершения рассказа.

В отличие от Гоголя Пушкин придает деньгам своеобразную роль — с более легким нюансом. В «Станционном смотрителе» деньги разрешают напряженный психический настрой, создавая впечатление о намерении избежать излишней сентиментальности, достигшей вершины в предшествовавшем повествовании. Подобный же эффект читатель может ощутить в конце «Медного всадника»:

У порога
Нашли безумца моего,
И тут же хладный труп его
Похоронили ради бога.

(V, 149)

Опять внимание автора переключается с печальной судьбы бедного героя на деньги. Напряженная сентиментальность смягчается денежным вопросом. Читателям было бы все равно, похоронили его платно или бесплатно, но автор умышленно в самом конце обращается к этой теме, тем самым отвлекая от главного сюжета.

К тому же посредством этого «ключа»-денег происходит переход от мира поэзии к миру прозаической действительности и в то же время от мира сего к миру иному. Но почему нужно было упоминание денег?

И возвращение заблудшей овцы Дуни, и находка трупа Евгения на пороге дома Параша могут казаться трезвому читателю маловероятными, романтическими и сказочными происшествиями. А денежный

вопрос является вполне реальным. В этом смысле упоминание денег в конце рассказа имеет такой же эффект, какой мы видим в «Сказке о золотом петушке», — эффект возвращения в реальность жизни.

Сказка ложь, да в ней намек!
Добрым молодцам урок.

(III (1), 563)

Такая фраза может вернуть читателя от мира сказки в реальный мир. И упоминание о деньгах дает такой же эффект.

Не только в концовке, но часто и после напряженной сцены появляется эпизод с деньгами. В «Станционном смотрителе» деньгами разрешается возвышенная печаль: «Долго стоял он неподвижно, наконец увидел за обшлагом своего рукава сверток бумаг; он вынул их и развернул несколько пяти и десятирублевых смятых ассигнаций. Слезы опять навернулись на глазах его, слезы негодования! Он сжал бумажки в комок, бросил их наземь, притоптал каблуком, и пошел... Отошед несколько шагов, он остановился, подумал... и воротился.. но ассигнаций уже не было» (VIII (1), 103)

После слез негодования героя у читателей снимается напряженность чувства ироническим описанием возвращения Вырина к брошенным деньгам. Но в данном случае комичным поведением Вырина и усиливается печаль бедности человека.

Вместо заключения

Взгляд на деньги разнится у человека: был ли он беден или богат? Оценка может быть разной в зависимости от ситуации автора и читателя. Как известно, Пушкин сам страдался от больших долгов. «Из 60 000 моих долгов половина — долги чести. Чтобы расплатиться с ними, я вижу себя вынужденным занимать у ростовщиков, что усугубит мои затруднения или же поставит меня в необходимость вновь прибегнуть к великодушию государя» (из письма Пушкина к Бенкендорфу от 26 июля 1835 г. — XVI, 373).

Деньги имели для Пушкина большой вес. Поэтому серьезный смысл имеют такие стихи в «Медном всаднике»:

О чем же думал он? о том,
Что он был беден, что трудом
Он должен был себе доставить
И независимость, и честь;
Что мог бы Бог ему прибавить
Ума и денег.

(V, 139)

Независимость и честь могут быть обеспечены именно деньгами. Упоминания в произведениях Пушкина денег должны иметь до такой степени важное значение, что в некоторых его шедеврах они фигурируют в самом конце, как заключительные слова.

Примечания

¹ Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 7 т. Т. 3. М., 1977. С. 95.

² См.: Аникин А. В. Муза и мамона: Социально-экономические мотивы у Пушкина. М., 1989. С. 100—126.

³ Лотман Ю. М. Пушкин. СПб., 1995. С. 308.

⁴ Там же. С. 309.

⁵ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 4. Л., 1972. С. 17.

Нобухико Асаока

(Осака, Япония)

ДВА ВЗГЛЯДА ПУШКИНА

Я царь, я раб, я червь, я бог.

Г. Державин

Слово «взгляд» многозначно, поэтому я хотел бы сначала объяснить, что я имею в виду в данном случае. Собственно говоря, у Пушкина, может быть, и не два, а много больше взглядов — то есть углов зрения, или, так сказать, «позиций наблюдателя». Он смотрит на современность то словно из далекого прошлого, то, наоборот, — из отдаленного будущего. На текущие события он взирает или издали, или сверху, или со стороны, или даже снизу. В этом докладе будут затронуты только два таких пушкинских «взгляда». Взгляд сверху, то есть с высоты птичьего полета, назовем его условно «орлиным», и взгляд со стороны или снизу — «взгляд толпы» или «взгляд народа».

Представляется, что наличие этих двух разных позиций наблюдения может быть связано с характером самого поэта. Цитируя начало стихотворения «Поэт», русский писатель В. В. Вересаев отмечает неоднозначность образа Пушкина: «В жизни он — один, в творчестве — совсем другой. Пушкин настойчиво и упорно отмечает эту характерную двойственность, отличающую поэта»¹. Сергей Михайлович Бонди, комментируя то же стихотворение, говорит так: «Поэт в жизни может ничем не отличаться от обыкновенных людей и даже может оказаться ничтожней самых ничтожных людей»².

Приведем первую половину стихотворения «Поэт»:

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

(III (1), 65)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ФОНД РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ГУМАНИТАРНЫХ СВЯЗЕЙ
«МОСКВА—КРЫМ»

ПУШКИН И МИРОВАЯ КУЛЬТУРА

Материалы шестой Международной конференции

Крым, 27 мая—1 июня 2002 г.

Санкт-Петербург,
Симферополь,
2003